

Собственность и собственное

*«- Я тебя спрашивал оттого,
что у меня сердце болит,
а ты газетой меня утешаешь...
Нет, друг, всякая власть есть царство,
тот же синклит и монархия, - я много передумал...
- А что же надо? – озадачился собеседник.
- Имущество надо унижить, - открыл Захар Павлович.
- А людей оставить без призора – к лучшему обойдется,
ей-богу, правда!»
Андрей Платонов. «Чевенгур»*

В размышлениях о том, как сделать Россию успешной и благополучной страной, внимание, как правило, концентрируется на знаковом для нашего времени понятии «собственность», особенно волнующем активных граждан. В недавние времена их стремление стать первыми в вещном и ресурсном переделе советского наследия объяснялось не только материальным интересом, а и осознанной истиной, что у всего должен быть хозяин. И хозяин появился. Но за первым переделом последовал второй, а за вторым – третий. И кто поручится, что в логике обладания собственностью в ее юридической трактовке у дорожки под названием «моё» будет конец. Как умерить азарт?

В тотальной гонке за обладание (удержание, передел) собственности страна не становится лучше. Многие уезжают, а шаткое благополучие остающихся, как правило, держится не на их собственных талантах, а на том, что однажды стране дал Бог. Но, как дал, так и взял.

«Секрет» неуспеха, думаю, не сложен: сама по себе собственность не рождает благо. Вместе с ней в людях должен развиваться талант, их родное – «собственное». И это относится не только к собственнику, но к обществу в целом.

«Собственное» и «собственность» - фундаментальные явления, формирующие природу общественно-экономического уклада, общество, государство, человека. От того, насколько глубоко они укоренены, успешно и гармонично сосуществуют и воспроизводятся, зависит творческая активность индивида, конкретные проявления экономической, политической, социальной и культурной жизни социума, в конечном счете его прогресс или деградация.

В своих юношеских представлениях о будущем счастливом обществе, когда развитие личности станет «самоцелью», а «свободное развитие каждого делается условием свободного развития всех», Маркс не мог пройти мимо означенной проблемы. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он описывает процесс развития «собственного» как превращение задатков способностей и потребностей человека («природных сущностных сил») в «очеловеченные сущностные силы». При этом Маркс, как известно, ошибся в понимании природы частной собственности. Явившая себя в условиях раннего капитализма врагом человеческого рода, коммунистами она была назначена к уничтожению. С тех пор в России прочно забыли о необходимости гармонизации человеческого «собственного» и собственности, попеременно пытаюсь развивать то одно, то другое.

Сельская гармония

Отъем у городской и сельской буржуазии собственности, начавшийся с первых шагов советской власти, первоначально не приводил к дисгармонии «собственного» и собственности, поскольку, как правило, сопровождался физическим устранением носителей «собственного». Однако скоро масштабные эксперименты показали, что совокупный полезный эффект, который дает соединение «собственного» и собственности (нэп) при их разрыве (коллективизация) исчезает, более того чреват катастрофой. Интуитивно почувствовав это, советская власть начала предпринимать попытки изобрести конструкцию, при которой человеческое «собственное» было бы так связано с собственностью, лишенной индивидуального хозяина, как если бы такой хозяин на самом деле был. Это особенно отчетливо видно на примере отечественного сельского хозяйства, в которое попеременно внедрялись разные властные придумки - хозрасчет, бригадный и семейный подряд, идея «хозяина на земле» и т.п. Крах, тем не менее, наступил.

К сожалению, в деле гармонизации «собственного» и собственности наше время вряд ли более успешно. После крушения социализма быстро стало ясно, что одно лишь упразднение этого общественного строя и усилия по форсированному внедрению в жизнь прежде гонимого собственнического начала успеха не сулят. В паре «собственное – собственность» мы снова пренебрегаем их целостностью. Разница лишь в том, что если в недавнем прошлом старательно изобретали и пытались растить нового, развивающего свое «собственное» коммунистического человека, то теперь взяли за выборочное допущение собственности, а «собственным» пренебрегли.

Более того: ограниченно развитое предшествующей общественной стадией человеческое «собственное» сегодня не без цели в массе своей делается все более примитивным, аморальным, даже диким. И процесс этот своим результатом объективно способствует удержанию в руках нынешних крупных собственников того, что было ими захвачено в результате первоначального дележа и последующих переделов. По этой причине вместо целенаправленного культивирования в людях «собственного», запущен механизм формирования легко управляемой человеческой массы,

равнодушной как к собственности, так и к своему «собственному». (О продукте этого процесса - людьё я писал в статье, опубликованной «Независимой газетой» 22 января 2014 года).

Правомерен вопрос - были ли в нашей истории времена, когда человеческое «собственное» и собственность органично соединялись? Отвечаю: были. Показательный пример - сельское хозяйство начала прошлого столетия.

После отмены крепостного права и быстро преодоленного шокового состояния эта сфера экономики бурно развивалась. Значительная часть крестьянства успешно реализовала возможность соединения присущего им «собственного» - интереса и способностей к аграрным занятиям с реальной собственностью на земельные наделы, средства производства, продукты труда. Этот процесс дополнительно стимулировался просвещением и организацией, привнесенными из города людьми умственных занятий. В результате в предвоенные годы деревня почти сплошь стала кооперативной. Кредитная, снабженческая, сбытовая, потребительская кооперация охватывали три четверти крестьянских дворов. Кооперативное движение, по оценке специалистов, сделалось самым сильным в мире. Среди всех видов кооперации не было только одного – производственной (позднейших колхозов), хотя взаимная помощь существовала во многих формах. Темп роста аграрного сектора достигал десяти процентов в год, а по объемам производства он вышел на первые позиции в мире. Однако поскольку остатки помещичьего землепользования сохранялись и в деревне ощущался «земельный голод», лозунг «Земля – крестьянам» был поддержан многими.

Не буду говорить о послереволюционных большевистских аферах и прямом насилии с целью ликвидации «мелких сельских хозяйчиков» - потенциальных непримиримых врагов новых правителей. Мощный удар установившейся власти был направлен на кооперацию – рассадник гармонического единства собственности и «собственного». С Октябрьского переворота и вплоть до предсмертных якобы-прозрений «вождь мирового пролетариата» считал кооперацию врагом № 1 и всячески ее уничтожал, справедливо полагая, что у кого хлеб, у того и власть.

Не найдя сил сразу, «скачком» переместиться в коммунизм, большевики были вынуждены вновь дать ход еще до конца не уничтоженному гармоничному соединению «собственного» и собственности. Однако с самого начала нэп по замыслу его творцов был «временной передышкой», ставил цель «сделать веревку более свободной, н е р а з р ы в а я её, отпустить полегче» (Ленин).

Затеянный Октябрем эксперимент по уничтожению собственности был продолжен при одновременных усилиях создать коммунистического гомункулюса, для чего на идеологическом асфальте кое-где разбивали клумбы для выращивания человеческого «собственного». Однако цель достичь гармонии «собственного» и собственности, естественно, не ставилась.

На рубеже второй половины 80-х – начала 90-х в стране забрезжила возможность вернуться к позитивному опыту кооперации предоктябрьского

периода и нэпа. Однако и в этот раз желаемое единство не возникло. В сельском хозяйстве затягивание земельного передела имело целью наделения землей исключительно «активных» граждан – то есть, власть имущих. А для тех, кто в аграрных занятиях видел реализацию «собственного», звездный час, за редким исключением, так и не настал. То же, как правило, происходило и в других секторах общественного хозяйства. А потом наступило время переделов с целью обладания собственностью ради нее самой.

Упоение и небрежение

В разрыве человеческого «собственного» и собственности велика роль отечественной традиции и порождаемой ею инерции. Не считая монгольского ига, а лишь начиная с закрепощения при Иване Грозном, ей без малого шесть веков. Безраздельная собственность крепостничества, ограниченная собственность пореформенного периода, лицемерная советская собственность. И во все времена - традиция основанного на собственности насилия – физического, психологического, материального, идеологического.

Упоение собственностью и небрежение «собственным» - отличительная черта и нашего времени. Человеческое «собственное» если где-то пробивается, то не благодаря, а вопреки и случается это исключительно редко. В общественной жизни (начиная со школы), индивидуальное «собственное», как правило, не живет. Неутомимыми трудами новой бюрократии процесс становления (выращивания) личности заменен оказанием «образовательных услуг», да и то, «предоставляющий» их учитель погребен бумажной лавиной, зажат тисками требований единомыслия и верности «скрепам», распространившейся атмосферой безграмотной нахрапистости и холопства. Предлагаемыми обстоятельствами он далеко отодвинут от исполнения своей изначальной общественной роли наставника-творца, помогающего пробиться наружу природным задаткам и способностям воспитанников.

Такие же образовательные условия ждут молодых людей в вузе. Однако здесь они вдобавок к прежним запахам начинают ощущать токи, идущие от взрослой «успешной» жизни. А в мире взрослых скрепленные в единое целое социально-политическими узами «успешные» субъекты власти и собственности озабочены одним - сохранением status quo. Им в самом деле трудно – опасности грозят не только изнутри, но и извне. Поэтому даже мысль о конкурентном включении в мировое разнообразие воспринимается не иначе, как конец света. Почему так?

С одной стороны, содержательная производственная, общественная и культурная соревновательность потребовали бы кардинального пересмотра декларируемой парадигмы традиционности, покоящейся на небрежении рациональностью и ее основными материальными воплощениями – культурой и правом. И такая традиция в нашей гуманитарной мысли, к сожалению, действительно есть. Это, например, идеи столпов славянофильства, высказанные полтора столетия назад в спорах с так называемыми западниками. Вот, например, два тезиса: «Чем историк и

летописец древнее и менее учен, тем его показания вернее и многозначительнее». И далее: теперь «...самый ход истории... обличил во много ложь западного мира», который либо принципиально не может понять основы жизни славян, либо испытывает к ним скрытую зависть. К счастью, - продолжает автор, - России до сих пор удавалось благополучно избегать как заблуждений ума, так и изысков формального права. У нас просветительские и правовые функции с древности отправляли православные монастыри, церкви и отшельники, которые как сетью накрывали всю Россию и посредством которых ко всеобщему благу «распространялись повсюду одинаковые понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало помалу переходили в общее убеждение, убеждение в обычай, который заменял закон, устраивая по всему пространству земель, подвластных нашей Церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни». Ничего не напоминает?

Неизбежная в условиях глобализации международная конкуренция смыслами и ценностями культур требует прежде всего серьезного усвоения обществом своих собственных духовных богатств. Мы же, кичась нашими действительными богатствами и не допуская мысли о каком-либо ученичестве в какой-либо сфере общественной жизни, пока преуспеваем лишь в одном – их небрежении. Одичание, похоже, зашло настолько далеко, что представление о сокровищах собственной культуры потеряно. При этом вызывает изумление наглость, демонстрируемая с каждым днем все активнее нашими «новыми дикарями». Дело уже не просто в невежестве, при котором «дикие» набираются смелости нагло демонстрировать свое невежество и аморализм, тем не менее, зная, что есть высокое, но отвергая его. Вспомним, нетленное: «знаю, что Пастернак написал роман, как говорят, великий роман. И хотя я его не читал, но автора осуждаю». Нет, теперь явлен новый уровень дикости, когда о существовании высокого «диким» действительно ничего не известно и они, выпячивая себя, руководствуются лишь рекламным слоганом: «Ведь мы этого достойны». Похоже, в безоглядной погоне за собственностью наше время создало ранее не известный истории человекоподобный тип – дикаря воинствующего и убежденного, что он венец творения.

Сказанное может быть легко предано анафеме, поскольку такого рода размышления угрожают утвердившейся у нас формуле общественно-экономического бытия ««моё» - доход - новое «моё»» и требуют пересмотра сложившейся системы организации и управления общественной жизнью, включая соиздание оптимальной формы соединения собственности и «собственного». На мой взгляд, именно таков безотлагательный общественный императив, без исполнения которого в новом мире у нас нет будущего. Реализация человеческого «собственного» - то дело, которым занят XXI век.

Пределы роста

С начала XX столетия (с «восстания масс») и в особенности после Второй мировой войны возможности человека по поддержанию себя как

физического тела значительно расширились и стали для многих легко доступны. С этого же времени начало кардинально меняться и соотношение между собственностью и «собственным». Перестав быть тем, что концентрировалось у очень малой части общества (хозяев) и сделавшись доступной для широких слоев, собственность утратила свое определяющее значение, сбросила сакральные одежды. Значение же человеческого «собственного», напротив, начало расти.

Параллельно произошли изменения в формах легитимации людей в обществе. Если вчера «хозяевами жизни» были собственники и в конечном счете именно в соответствии с их представлениями о должном строилось общественное здание, то с доминированием «собственного» порядок жизни меняется. Главным двигателем перемен стала свобода. Именно свобода как самозаконотворительный и произвольный поиск путей развития «собственного» делает возможным его превращение из потенциальности в актуальное. При этом, реализация «собственного» одного индивида определяется общественной средой, в которой «собственное» реализуют не отдельные люди, а многие. Свобода оказалась функцией человеческого «собственного» и начала задавать алгоритм развития современного общества, в котором собственность утрачивает прежнее центральное место и становится лишь одним из условий становления полноценного человека.

Сделавшись доминирующим началом, человеческое «собственное», далее, кладет разумный предел количественному росту собственности. Из истории известно о «чудаках» - крупных собственниках, которые, не смотря на рост богатства, не меняли своих занятий, стиля жизни, круга друзей, уровня потребления. Но также известны примеры жизни собственников, увлекавшихся «золотыми унитазами». Разница очевидна. Одни жили, развивая и материализуя свое «собственное» и привлекали для этого ровно столько собственности, сколько требовалось этому процессу. Другие же ничего не сделали для того, чтобы обрести полноту жизни посредством развития своего «собственного». Напротив, погрузились на дно примитивной гомогенности.

* * *

Что же с этой точки зрения происходит в современной России? Небрежение человеческим «собственным» и упрямое, как и двести лет назад, укрепление собственности. И снова – лишь в строго ограниченной форме для разного рода «своих», не допуская ее развития и смыкания даже в малых формах с человеческим «собственным» для «чужих». Логика этих деятелей и их опасения, связанные с процессом количественного возрастания собственности понятны: велика опасность рождения человека, культивирующего свое «собственное», а, значит, человека свободного.

Автор –
заместитель директора по научной работе
Института философии РАН,
доктор философских наук.